

В.А. Попов

ПРОТИВОРЕЧИЯ ОХРАНЫ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПОИСК ПРИЧИН

Попов, Вадим Алексеевич—председатель Совета Марийского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Россия, Йошкар-Ола, popov_vadim65@mail.ru

В статье дается попытка по-новому взглянуть на проблемы, связанные с охраной культурного, в частности, архитектурного наследия России. Сама необходимость охраны наследия вытекает из возможности возникновения конфликтных ситуаций, которые в разных социумах решаются по-разному, но имеют, как правило, общие корни. В статье аргументируется тезис о преобладающем влиянии сложившегося в обществе отношения к наследию которое рассматривается с позиции психоанализа. Выявляются отличия в восприятии обществом объектов архитектуры, изобразительного и прикладного искусства на основе негласного принципа неприкосновенности, делается попытка объяснить эти отличия глубинными процессами бессознательной деятельности. Далее автор анализирует принятые на сегодняшний день подходы к выявлению памятников архитектуры. Общество не может обеспечить охрану всей исторической среды, обладающей определенной ценностью, и ограничивается искусственным выделением ряда охраняемых объектов и достопримечательных мест. Односторонность и субъективность сложившихся стереотипов в области изучения наследия становится наиболее заметной при переходе от теоретических изысканий к практическим действиям—делению объектов на «памятники» и «непамятники». До сих пор остаются нерешенными вопросы преемственности в передаче вновь формируемой архитектурной среды потомкам, выявления новых объектов, имеющих гипотетическую возможность быть включенными в категорию культурного наследия в будущем.

Ключевые слова: здание, памятник архитектуры, объект культурного наследия, архитектурное достояние, принцип неприкосновенности.

THE CONTRADICTIONS IN THE FIELD OF PROTECTION OF ARCHITECTURAL HERITAGE: THE SEARCH FOR CAUSES AND REASONS

Popov, Vadim Alekseevich—Chairman of the Council of the Mari regional branch of The All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, Russia, Yoshkar-Ola, popov_vadim65@mail.ru

The article gives an attempt to take a fresh look at the problems connected with the protection of the cultural—and especially—architectural heritage of Russia. The very need to protect the heritage derives from the possibility of conflict situations, which in different societies are solved differently, but have, as a rule, common roots. The thesis is held about the prevailing influence of the attitude to the heritage that has developed in society and its consideration from the position of psychoanalysis. Differences in the perception of objects of architecture, visual and applied art by society are revealed on the basis of the unspoken inviolability principle, and author make an attempt to explain these differences by the deep processes

of unconscious activity. Further, the author analyzes the approaches taken to date to identify architectural monuments. The society cannot ensure the protection of the entire historical environment, which has a certain value, and is limited to the artificial allocation of a number of protected sites and places of interest. The one-sidedness and subjectivity of the prevailing stereotypes in the study of heritage becomes most noticeable in the transition from theoretical research to practical actions—the division of objects into “monuments” and “non-monuments”. Issues of continuity in the transfer of the newly formed architectural environment to descendants, the identification of new objects with a hypothetical possibility of being included in the category of cultural heritage in the future remain unresolved.

Key words: building, monument of architecture, object of cultural heritage, architectural property, principle of inviolability.

Из всех терминов, связанных с понятием «культурное наследие», чаще всего, пожалуй, употребляется слово «охрана». Степень уязвимости культурного наследия и необходимость его охраны являются показателями состояния общества в целом, свидетельствуют о его кризисе или процветании. Понятие «охрана» применительно к культурному наследию имеет сугубо социальную окраску, тогда как в отношении другого рода факторов воздействия—природной среды—употребляется термин «защита» (от воздействия атмосферных осадков, ветра, биологических организмов, поверхностных и грунтовых вод и т.д.). Такое разделение понятий характерно и для других сфер человеческой деятельности. Ср.: «охрана здоровья», но «защита организма».

Автор данной статьи, занимаясь деятельностью по охране культурного наследия, имел постоянную возможность наблюдать работу механизма этого сложного движения. Немняющаяся в течение многих лет картина заставляет искать более глубокие, чем обусловленные современной конъюнктурой, причины трудной «приживаемости» архитектурного наследия в российском обществе. При этом хотелось бы избежать расхожих объяснений, опирающихся на российский менталитет, геополитическую ситуацию, несовершенство законодательства и др., не дающих по сути ясности по рассматриваемому вопросу.

Сама необходимость охраны культурного наследия вытекает из возможности возникновения конфликтных ситуаций, которые в разных социумах решаются по-разному, но имеют, как правило, общие корни. Эксплуатация материального культурного наследия может спровоцировать общественный конфликт в случаях либо изменения объекта культурного наследия (в дальнейшем—ОКН), либо преждевременной потери ОКН. Несмотря на всеобщее признание непреходящей ценности культурного наследия, сочувственное отношение к нему, как правило, заканчивается, когда эти проблемы начинают касаться личных интересов индивида. Отсюда проистекают такие характерные явления современной эпохи, как отделка полимерными материалами, установка кондиционеров и окон без импостов на памятниках архитектуры или абсолютное равнодушие к судьбам памятников, не получивших статус ОКН. Как справедливо отмечал А.А. Формозов, «дело <...> не столько в законах, сколько в отношении общества к следам былых веков»¹.

Мы попытаемся объяснить поведение человека в отношении как архитектурных памятников, так и построек вообще, с позиции психоанализа. Несмотря на то, что данный метод принято считать ограниченным, мы исходим из того, что любое из закрепившихся направлений в психологии может иметь позитивные наработки, применимые к рассматриваемому вопросу.

¹ Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990. С. 10.

Мы будем рассматривать постройки как некую «оболочку», являющуюся не просто частью жизненного пространства человека, а частью самого человека, — разумеется, не буквально, а метафорически. Откуда появилось такое отношение? — Любой человек начинает свой жизненный путь, уже находясь в оболочке материнского организма. Можно сказать и о другом: какой бы образ жизни мы ни вели, самый комфортный период нашего физического существования проходил в чреве матери. Естественно, ощущения этого периода не могут не отложиться в подсознании.

Помимо неотделимой оболочки — кожи и волосяного покрова — человеку нужна отделимая оболочка. У человека есть заложенное в подсознании представление, какой должна быть эта оболочка: она уже была в его жизни в виде материнской утробы. Поэтому в течение своей сознательной жизни человек пытается смоделировать эту оболочку, но, конечно, не путем буквального копирования. Человек, собственно говоря, не сможет вспомнить ни форм, ни фактур, ни коммуникационных связей, сопровождавших его в дородовой фазе жизни. Поэтому формирование искусственной оболочки проходит путем моделирования тех функций материнского организма, которые когда-то обеспечивали защиту его собственного организма. В качестве аналогов древние люди привлекали естественные и искусственные убежища, используемые животными. Теплокровные животные, имеющие эффективный защитный покров на самом теле (шерсть, перья), используют убежища эпизодически, проводя большую часть жизни за их пределами. Человек перенял от них аналогичный покров для тела, первоначально делавшийся из шкур тех же животных, — первую одежду. Для удобства разделения понятий назовем этот покров «неформооболочкой», так как он имеет только конфигурацию (контур), но не имеет постоянной формы.

Отличаясь от многих животных отсутствием всепогодного природного покрова, человек был вынужден делать больший упор на искусственную оболочку второго уровня (после одежды) в виде какого-либо помещения со стабильным микроклиматом (опять же имея идеалом микроклимат материнской утробы). Здесь тоже была возможность подражания животным: тоже «голые», как человек, моллюски, например, пользуются для постоянного проживания раковинами. Люди не стали копировать формы раковин, но эти сооружения давали пример такой организации среды обитания, которая позволяет в течение длительного периода находиться в относительно замкнутом пространстве, не испытывая дискомфорта. Оболочку с постоянной формой, искусственно создаваемую человеком, мы назовем, соответственно, «формооболочкой». Стабильность формы есть непременное условие стабильности микроклимата внутри нее, что актуально, прежде всего, для простейших систем жизнеобеспечения.

Вместе с формой начинают развиваться и эстетические качества построек. Поэтому там, где присутствует форма, есть предпосылка для возникновения зачатков архитектуры. Можно проследить путь от самых примитивных сооружений человека до действительно архитектурно организованных строений, но в литературе это уже отмечалось. Нам же важно обратиться к памятникам архитектуры, не забывая при этом, что отношение к ним человека изначально такое же, как к другим постройкам.

За тысячелетия эволюции архитектура прошла путь, значительно отдаливший ее от первых строительных опытов человека. Важно то, что ее роль в жизни человека осталась той же и, следовательно, исходящей от той же подсознательной потребности во «второй оболочке». Еще не родившийся ребенок ощущает свое единство с организмом матери, а этот организм знаком ему только в границах полости, в которой он проводит первые

месяцы жизни. Помещения, облеченные во внешнюю форму с помощью конструкций, — это то, что не имеет биологической связи с телом человека, но служит своего рода послеродовым суррогатом обеспечения его защиты от внешних факторов. Поэтому они, несмотря на свой внешний характер, продолжают подсознательно восприниматься человеком как неразрывно связанная с ним оболочка.

Отсюда следует, что все, что человек воспринимает как собственную оболочку, не попадает под негласный принцип неприкосновенности. Это оболочки первого уровня (одежда, обувь) и второго уровня (здания и сооружения, а в последнюю эпоху также автомобили, суда и другие транспортные средства, используемые нередко в качестве жилищ). Или, как мы говорили выше, это неформо- и формооболочки. Являясь, говоря образно, частью человека, они призваны меняться вместе с человеком, и намеренное торможение или остановка этого процесса могут спровоцировать конфликт.

По большому счету, человек готов изменить все в окружающем его мире, чтобы приспособить это окружение к своим текущим потребностям. И можно было бы не рассуждать о специфике отношения к архитектурным творениям. Но перед некоторыми категориями материальных объектов человек останавливается, не ощущая в себе исключительного права на вмешательство. Подобный феномен наблюдается в области искусства. Никому не приходит в голову исправлять или совершенствовать живописные полотна или скульптуру. С художественных произведений делают копии, создают новые, творчески интерпретируя образец, но никто, образно говоря, не поднимает руку на оригинал. И это касается не только исключительных творений, всеми признанных шедевров, но и совершенно заурядных вещей. Иногда к таким действиям прибегают сами авторы, но для всех посторонних существует негласное «табу» на подобные вмешательства. Корни такого отношения к предметам искусства, по всей вероятности, тоже уходят в далекое прошлое, когда какие-либо художественные изображения создавались не с той целью, какую мы обычно приписываем им сегодня. «Первобытное искусство, — пишет Р. Арнхейм, — замещает реальные предметы, животных или людей и тем самым выполняет свою задачу по воспроизведению всех видов услуг. Оно запечатлевает и передает информацию»². Намеренное повреждение художественного изображения симптоматически воспринималось как проявление негативного отношения к замещаемой им сущности (пример — повреждение идола в язычестве). Впоследствии, с распространением изобразительных искусств в повседневной жизни отношение к художественным изображениям формировалось на основе отношения к архетипам.

В определенном смысле художественные произведения, созданные согласно формуле «искусство ради искусства», приобретают трансцендентный характер по отношению к миру бытовых вещей, и их функционирование регламентируется особыми законами. Они приобретают особый, надвременной и надпространственный статус, на них не распространяется действие таких понятий, как «срок эксплуатации» или «моральный износ», и в этом отношении они приближаются к нематериальным объектам. К. Леви-Строс отмечает, что «художник стремится создать из своего произведения объект, который был бы независим от любой случайности и был бы в себе и для себя»³. Универсализм произведений искусства позволяет им переходить из одной коллекции (музейной или частной) в другую и продаваться на аукционах по всему земному шару. Но одним из неперемennых условий поддержания элитарности произведения искусства является его подлинность (ненарушенность).

² Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974. С. 132.

³ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 136.

В отличие от других художественных объектов здания и предметы прикладного искусства создаются как элементы формооболочки. Эстетическая составляющая выступает при этом как сопутствующая (следовательно, подчиненная) характеристика. В процессе эксплуатации такого объекта пользователь в первую очередь следит за его соответствием своим меняющимся потребностям и, по необходимости, изменяет объект. Художественные свойства тоже могут подлежать пересмотру. Во-первых, если эти свойства приходят в противоречие с новой редакцией измененного объекта или начинают препятствовать его успешному функционированию (скажем, при перестройке католического храма в православный либо наоборот). Во-вторых, если художественные свойства объекта перестают соответствовать эстетическим запросам современности, моде. В любом случае, какое-либо изменение объекта — содержательное или формальное — уже запрограммировано в самом его назначении как предмета оболочки.

Предметы прикладного искусства, как носители определенных художественных качеств, имеют гипотетическую возможность переходить из разряда практических объектов (элементов формооболочки) в разряд объектов «чистого искусства». Это происходит тогда, когда их эстетические достоинства становятся общепризнанными в такой степени, что необходимость их практического использования уже не принимается во внимание. Иногда такие предметы заведомо создаются только для эстетического употребления, сохраняя при этом все функциональные свойства. Скажем, многие образцы коллекционного холодного оружия никогда не употреблялись в качестве режущих предметов.

В случае отнесения бытового предмета к произведениям искусства он, как правило, подлежит изъятию из практического обращения. Это обычно не вызывает проблем функционального характера, т.к. вещь, способную выполнять те же функции, всегда можно найти на замену. Гораздо сложнее обстоит в этом отношении дело с объектами архитектуры, т.к. каждый из них имеет не только определенный характер использования, но и, прежде всего, конкретный круг пользователей (то есть служит для кого-то «оболочкой»). А.С. Щенков указывает на «противоположность требований “живого” объекта и “археологических” требований к нему, <...> шире — диалектического противоречия в самой идее сохранения памятников, которой ставится задача введения прошлого в современность»⁴. «Изъятие из обращения» здания означает либо потерю кем-то жилья, либо потерю места работы, либо другие подобные лишения, ведущие к значительным ресурсным затратам на их возмещение. Самым «бескровным» вариантом был бы никем не используемый шедевр архитектуры. Однако это не гарантирует защиту его художественных достоинств, наоборот, затраты на поддержание такого объекта в надлежащем состоянии не сопоставимы, скажем, с затратами на сохранение музейных экспонатов. Даже такие нефункциональные сооружения, как пирамиды разных цивилизаций и камни Стоунхенджа, нуждаются в постоянном уходе. Напрашивается вывод, что достопримечательный архитектурный объект (иначе говоря, памятник архитектуры), как и любой «недостопримечательный», должен эксплуатироваться. Но в этом случае он возвращается к функции формооболочки, получает конкретного хозяина (пользователя), перед которым всегда будет стоять соблазн изменения памятника.

Наиболее защищенной от конфликтов следует считать ситуацию, когда собственник добровольно принимает на себя заботы по содержанию постороннего (не связанного с его проживанием и работой) ОКН, при этом исключив данный объект из практического

⁴ Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002. С. 500.

использования. Нести подобную обременительную ношу в отношении сразу многих объектов может только государство. Но и при таком подходе мы рискуем остаться с искусственно изолированными островками архитектурной старины вроде музеев народного зодчества. Действительно, по большому счету памятник архитектуры должен быть неприкосновенен с точки зрения сохранения его материальных (конструктивных и декоративных) и идеальных (стиль, семантика) особенностей. А семантические особенности здания требуют сохранения и его окружения — градостроительной и ландшафтной среды. Отсюда логично вытекает: если у этого объекта сохранить историческое окружение, то и у соседнего объекта надо тоже, и у третьего, и у четвертого. В результате все эти сохраненные локусы сольются в единое пространство — некий топос неприкосновенности в масштабах населенного пункта, в котором нельзя будет ничего изменить. Но тут уже совсем трудно избежать противоречия, так как любой, самый консервативный социум хочет «идти в ногу со временем». Некий компромиссный выход найден в настоящее время, когда в рамках одного региона выбирается один «брендовый» город, в котором комплексно сохраняется историческая среда. Но преимущества этого выхода не действуют дальше туристического бизнеса, так как вне зоны внимания остаются сотни других старинных городов...

Из сказанного мы можем сделать следующие выводы:

1. Негласный принцип неприкосновенности безоговорочно распространяется на любые объекты изобразительного искусства — и на выдающиеся, и на посредственные.
2. Предметы прикладного искусства могут как подчиняться, так и не подчиняться данному принципу, в зависимости от первоначальной установки на их создание или выявления их уникальных художественных свойств в процессе эксплуатации.
3. Негласный принцип неприкосновенности не распространяется на архитектурные объекты. В отношении их возможно только принудительное распространение данного принципа, что необходимо учитывать при формировании политики охраны культурного наследия.

Таким образом, вводя очередную искусственную категорию в отношении культурных ценностей, мы вступаем в противоречие с устойчивыми во времени градациями, сформировавшимися в соответствии с определенными архетипами. Другое противоречие проистекает из самой искусственности проводимого нами отбора. Этот отбор основан на принципе секуляризации, приводящем к расхождению между ценностями де-юре и ценностями де-факто.

Проследив генезис объекта изобразительного искусства и архитектурного объекта, мы обнаружим, что первый с момента своего рождения сразу получает «охранную грамоту», но второй способен приобрести ее только со временем. Действительно, трудно представить в жизни картины или скульптуры «охраняемый» и «неохраняемый» периоды. Любой же памятник архитектуры в начале своей истории был просто зданием. В то же время существующие официальные определения не предполагают наличие какого-либо временного барьера. Так, в принятой в 1976 г. Резолюции Совета Европы № (76) 28 «О приведении законодательной и нормативной базы в соответствие с требованиями комплексного сохранения архитектурного наследия» под термином «памятник» понимаются «архитектурные творения, как значительные, так и скромные, в том числе движимые культурные ценности, недвижимые по назначению и по природе, а также произведения монументальной скульптуры, которые представляют собой исторический, археологический, художественный, научный, культурный или общественный

интерес»⁵. Нет указаний на возрастной «ценз» и в определении памятника отечественным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ. Элементарная логика подсказывает, что можно уже сейчас выделять самые талантливые современные постройки и присваивать им статус ОКН, если они не уступают в этом историческим зданиям. Такое было возможно в СССР, с его отработанной системой ежегодных смотров архитектурных достижений, но перестало практиковаться в наше время.

Проще пользоваться хронологическими рамками, с привязкой к выдающимся историческим событиям. При этом предполагается (между строк), что почтенный возраст способен компенсировать архитектурную заурядность того или иного объекта. Так, в Советской России в 1928 г. было принято решение считать неприкосновенными здания, построенные до 1613 г.; объекты, построенные в 1613–1725 гг., «в случае особой необходимости» могли подвергаться изменениям; у построенных в 1725–1825 гг. сохранялись только фасады; более поздние здания к памятникам не причислялись и государством не охранялись⁶. Использование хронологического принципа при отборе памятников характерно и для некоторых современных стран. Так, в Греции под автоматическую охрану попадают все памятники, построенные до 1830 г. и территории, окружающие памятники, построенные до 1453 г.; в Дании — все объекты недвижимости до 1536 г. постройки, в Норвегии — соответственно до 1537 г.⁷

Любой историк архитектуры понимает, что резко очерченные (до конкретных дат) границы могут оказаться убийственными для многих потенциальных памятников. Не менее губительны и неосторожные обобщения. В отечественной науке XX в. выделились противопоставления: «столица — провинция», «каменное зодчество — деревянное зодчество». В силу ряда причин они оказались неравновесными, т.е. одна из противопоставляемых сторон признавалась ведущей. В свое время академик И.Э. Грабарь фразой применительно к памятникам XVIII в. («вся Россия в архитектурном отношении есть именно либо Петербург, либо Москва»⁸) обозначил приоритет, которому стало следовать отечественное искусствоведение на протяжении всего XX в. Аналогично и каменное зодчество априори было признано ведущим, по нему была принята схема последовательности стилей, ставшая основой учебников по истории архитектуры. Эти научные предпочтения неизбежно отразились на системе отбора ОКН. Эта система сразу откликается на опережение архитектурой какого-либо объекта тектонических и художественных приемов своего времени, но не видит ценности «запоздавших» объектов, благодаря своей архаичности воспроизводящих черты давних эпох. Приводимый автором пример (см. рис. 1) показывает, что появившееся в XX в. хозяйственное сооружение нового типа (общественный сарай) своими конструктивными и художественными приемами восходит к древним образцам. Типична судьба этого объекта: инерционно не рассматривавшийся никем как памятник, он был уничтожен в результате обветшания. Совершенно игнорируется современной методикой отбора ОКН и такое специфическое явление, как перевоз в города в 1950–1960-е гг. старинных домов из сельской местности,

⁵ Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия. Екатеринбург, 2001. С. 180.

⁶ Православные храмы. Путешествие по святым местам. 2017. Вып. 236. С. 10.

⁷ Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия. С. 492.

⁸ История архитектуры. М., [без даты]. Т. III. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. С. 8.

некоторые представители которых являются замечательными образцами народного зодчества (см. рис. 2).

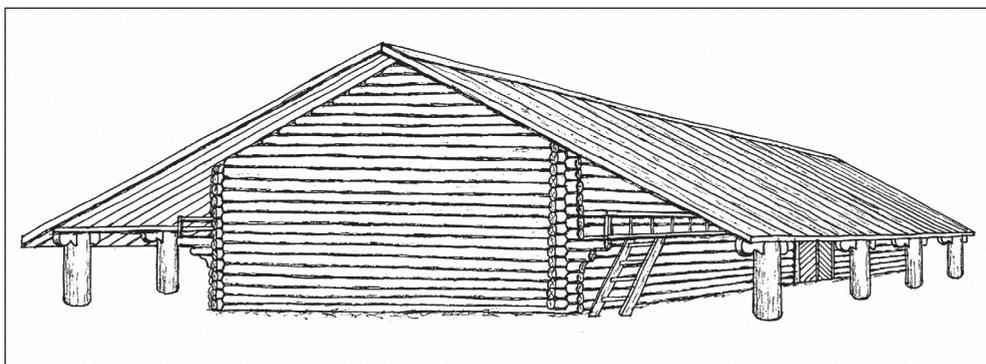


Рис. 1 Общественный сарай. XX в. Реконструкция автора



Рис. 2 Сельский дом, перевезенный в город. Фрагмент фасада

По мере приближения к современной эпохе все более ощущается субъективность и противоречивость оценок наследия. Впрочем, в этом мы ничуть не уступаем нашим предкам. А.А. Формозов на многочисленных примерах демонстрирует «разнородное теоретическое наследие в области охраны памятников, оставленное старой Россией новой послереволюционной эпохе»⁹.

Рассматривая аксиологический аспект архитектурной среды в целом, мы видим, что существует вполне устоявшееся понятие архитектурного наследия страны, но пропало

⁹ Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. С. 89.

понятие архитектурного достояния страны, которое охватывало бы как выдающиеся исторические здания, так и примечательные новостройки. Получается, что вновь возводимые здания должны пройти пресловутую «проверку временем». В ходе такой «проверки» их тектонические и художественные качества вряд ли изменятся в лучшую сторону (скорее, наоборот). Остается только заключить, что со временем изменится восприятие их общественным мнением, в результате чего они смогут (либо не смогут) претендовать на включение в категорию наследия. Естественно, что в процессе старения архитектурные объекты никак не защищены от изменений или уничтожения, пока общество не обратит на них внимание.

Наше «отстранение» от современных объектов, возможно, основывается на прагматическом, скорее, житейском представлении о том, что, пока вновь построенное здание имеет достаточный запас прочности конструкций и соответствует функциональным требованиям своей эпохи, уже этим самым оно «защищает» самого себя. Если со временем оно приобретет некую ауру старины, его образ романтизируется, то тогда его включают в категорию памятников. Мы можем только примерно представить, чем будет подпитываться романтизация архитектурного объекта. При этом мы можем руководствоваться принципом отличия (отличия типологические, по стилю, по материалам, по примененным конструктивным и технологическим приемам), принципом своеобразия памятника либо принципом «сверхдостоинства» («лучший из лучших»).

Принцип отличия будет работать только при сопоставлении двух хронологически соседних эпох, поэтому неприменим для современных нам построек (мы не можем знать особенностей архитектуры предстоящей эпохи). Но принципами своеобразия и «сверхдостоинства» вполне можно руководствоваться для формирования списка лучших архитектурных объектов нашего времени. Уже сейчас мы можем отнести к потенциальным памятникам здания кинотеатров и дворцов культуры, с таким размахом строившиеся в нашей стране совсем недавно — еще 30 лет назад. Часто это были эксклюзивные постройки, воплощавшие в себе как технические, так и художественные достижения эпохи. То, что сейчас происходит массовое искажение их архитектурного облика, мы можем наблюдать повсеместно. Если же внимательно осмотреться вокруг, то можно обнаружить и другие здания-современники, которые привлекут внимание потомков (если доживут!).

Не стоило бы так подробно останавливаться на перспективах новостроек, если бы не существовал философско-исторический аспект: каждая эпоха должна, в идеале, «поставлять» свои не обязательно яркие, но заметные объекты архитектуры для формирования будущего наследия. Но — как детям трудно поверить, что их школьный учитель когда-то был ребенком, так и мы не хотим помнить, что любой памятник когда-то был новостройкой и не воспринимался современниками в качестве потенциального наследия.

Какой бы временной срез мы не взяли, то обнаружим, что представители текущей эпохи не торопятся сохранять достойные объекты и своего времени, и ближайшего прошлого. В итоге получает охраняемый статус только то, что смогло остаться. История показывает, что остаются не обязательно самые крепкие и самые художественно совершенные творения. От уничтожения и искажения не защищены даже огражденные канонами объекты — храмы. Бессистемный, неуправляемый отбор временем, которому мы с легкостью отдаемся, говорит, по большому счету, о нашем нежелании быть до конца объективными в отношении к культурному наследию. В этом — одно из противоречий данной области культуры, скрытно, изнутри влияющее на появление сбоев в системе.

Список литературы

- Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 392 с.
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2002. 528 с.
- Православные храмы. Путешествие по святым местам. 2017. Вып. 236. 32 с.
- Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 520 с.
- Формозов А.А.* Русское общество и охрана памятников культуры. М.: Советская Россия, 1990. 112 с.

References

- Arnheim, R. *Iskusstvo i visualnoye vospriyatiye* [Art and visual perception]. Moscow: Progress Publ., 1974. 392 p. (in Rus.).
- Levi-Strauss, C. *Pervobytnoye myshleniye* [The Savage Mind]. Moscow: Republic Publ., 1994. 384 p. (in Rus.).
- Pamyatniki arkhitektury v dorevolyutsionnoy Rossii: Oчерki istorii arkhitekturnoy restavratsii* [Monuments of architecture in pre-revolutionary Russia: Essays on the history of architectural restoration]. Moscow: TERRA—Book Club Publ., 2002. 528 p. (in Rus.).
- Pravoslavnyye khramy. Puteshestviye po svyatyim mestam* [Orthodox churches. Travel to holy places]. 2017. Is. 236. 32 p. (in Rus.).
- Sbornik pravovykh aktov Soveta Yevropy o sokhraneniі kulturnogo naslediya*. [Collection of legal acts of the Council of Europe on the preservation of cultural heritage]. Ekaterinburg: The Bank for Cultural Information Publ., 2001. 520 p. (in Rus.).
- Formozov, A.A. *Russkoye obshchestvo i okhrana pamyatnikov kultury* [Russian society and the protection of cultural monuments]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. 112 p. (in Rus.).